

Кто бы мог подумать, что улыбка Сяо Юйшаня снова лишит тетушку Фэй дара речи. Более того, даже несколько прохожих рядом застыли, пораженные его красотой. Чу Циюнь, наблюдая эту сцену, с трудом сдержал желание схватиться за голову, поспешно заплатил и, схватив Сяо Юйшаня за руку, увлек его прочь.

Лишь спустя долгое время тетушка Фэй пришла в себя и пробормотала:

— В наше время молодежь становится все краше!

Если взглянуть на Чу Циюня и Сяо Юйшаня, то один из них — воплощение изящества и непринужденности, другой — олицетворение обаяния и роскоши, оба обладают выдающейся внешностью и благородной осанкой. Появившись внезапно на рынке, они словно драгоценные камни среди обычных камней, неизбежно привлекали к себе внимание.

Пока они шли, прохожие то и дело оглядывались, что заставило Сяо Юйшаня почувствовать себя неловко. Он тихо спросил:

— Почему они так на нас смотрят?

— Кто же виноват, что ты так красив? — Чу Циюнь задумался, а затем рассмеялся. — Хорошо, что ты обычно живешь во дворце, иначе слухи о тебе не ограничились бы четырьмя иероглифами «Пьяная яшма и рушащаяся гора».

Сяо Юйшань, привыкший к похвалам своей внешности, давно уже не придавал этому значения. Однако сейчас, увидев эту сцену, он наконец понял, почему литераторы не терпят красивых императоров.

Шутя, Сяо Юйшань подарил Чу Циюню деревянную фигурку камбалы, сам привязал ее к его поясу и шепнул, полный нежности:

— Не теряй, иначе это будет преступлением против императора.

— Как прикажешь. — Чу Циюнь погладил украшение, пока ладонь не нагрелась. — Тетушка сказала, что в рот рыбе можно вложить записку. Что бы ты хотел написать?

Сяо Юйшань внимательно посмотрел на украшение, а затем, внезапно подняв глаза, с сияющей улыбкой, уже знал, что написать. Однако он не сказал, а вместо этого спросил Чу Циюня:

— А ты уже решил?

Чу Циюнь обнял его и прошептал на ухо:

— Я оторву кусочек красного шелка и напишу на нем мелким почерком три иероглифа: «Юйнуэр». Как тебе?

Услышав это имя, Сяо Юйшань застыл, а затем с холодной усмешкой предупредил:

— Если осмелишься написать, потеряешь мою благосклонность. Подумай хорошенько.

Чу Циюнь, не боясь ничего, сделал вид, что обиделся:

— Разве может император бросить своего судьбоносного благодетеля?

Сяо Юйшань многозначительно поднял бровь, оставил Чу Циюня и пошел вперед один. Чу Циюнь, все еще улыбаясь, последовал за ним.

Когда палящее солнце взошло в зенит, прогнав последний прохладный ветерок, утренний рынок окончательно опустел. Сяо Юйшань и Чу Циюнь, вдоволь насладившись прогулкой, отправились обратно. Поскольку сегодня они тайком вывели императора за ворота, на обратном пути Чу Циюню пришлось идти по узкой тропинке.

Сяо Юйшань, обливаясь потом, шел по разбитой каменной тропе, обмахиваясь веером. Чу Циюнь, зная, что Сяо Юйшань привык к роскоши и редко ходит по горным тропам, каждые несколько шагов оборачивался, чтобы помочь ему подняться.

Сяо Юйшань не был тщеславным, и, увидев протянутую руку Чу Циюня, он взял ее, их пальцы сплелись, и, обменявшись взглядами, они улыбнулись, словно понимая друг друга без слов.

— Сегодня мой племянник сидит в твоей комнате, чтобы скрыть твое отсутствие. Мы должны вернуться до обеда, чтобы не вызвать подозрений. — Чу Циюнь посмотрел на небо, прикинув время, и добавил:

— К счастью, мы успеваем. Пройдя этот участок, мы окажемся у задних ворот храма Сюйхэ, и тогда мы сможем перелезть через стену.

— Ты увел меня, а теперь заставляешь перелезть через стену. Это действительно заслуживает смерти. — Сяо Юйшань сел на землю, открыл флягу с водой и напился, а затем бросил ее Чу Циюню.

Чу Циюнь, не церемонясь, открыл флягу и выпил, не забыв ответить:

— Если не хочешь перелезть через стену, я готов взломать для тебя заднюю дверь храма Сюйхэ.

Говоря это, он выглядел крайне серьезно, словно действительно собирался взломать дверь. Сяо Юйшань снова рассмеялся и с досадой сказал:

— Ты, чертов даос!

Едва он произнес эти слова, как из леса позади них вышло несколько человек, все с красными повязками на головах и охотничьими ножами на поясах. Их лица выражали злобу, и с первого взгляда было ясно, что они не из добрых.

Чу Циюнь и Сяо Юйшань обменялись взглядами и сразу поняли, что они попали в руки горных разбойников.

— Какая милая парочка, флиртует на моей горе! — Лидер банды, держа меч на плече, вытащил его из ножен.

Под солнцем лезвие блестело, как зеркало, ослепляя глаза.

Чу Циюнь, услышав его слова, сразу понял, что главарь банды принял Сяо Юйшаня за женщину, и быстро шепнул:

— Не говори ни слова.

Сяо Юйшань собирался ответить, как вдруг худой, как обезьяна, человек с наглым смехом

сказал:

— Босс, я думаю, эта красавица, переодетая в мужчину, очень симпатичная. Почему бы нам не воспользоваться ею сначала?

Переодетая в мужчину?

Незаметно для себя Сяо Юйшань сжал кулаки, подавил гнев и многозначительно поднял бровь.

Другой человек крикнул:

— Что за чушь! Эта красавица должна быть только для босса!

Главарь банды громко рассмеялся, как сова, и, указывая мечом на Сяо Юйшаня, сказал с наглостью:

— Иди сюда.

Сяо Юйшань ничего не сказал, встал и пошел к нему, с улыбкой, которая делала его еще более очаровательным, а его лицо — еще более живым. Чу Циюнь хотел остановить его, но взгляд Сяо Юйшаня заставил его замолчать, и он понял, что главарь банды сейчас попадет в беду.

Говоря о главаре банды, он несколько раз похищал деревенских красавиц и видел самых соблазнительных куртизанок, но, увидев Сяо Юйшаня, он почувствовал, что все они не стоят и доли его красоты. На мгновение он потерял голову, обнял Сяо Юйшаня за талию и повел в кусты.

Сяо Юйшань слегка нахмурился, но затем его лицо снова стало спокойным, а улыбка стала еще шире, но с оттенком зловещей ядовитости, как у змеи.

— Парень, твою женщину сейчас испортят, а ты все улыбаешься? — Худой, как обезьяна, человек, самый злой из всех, решил, что Чу Циюнь труслив, и насмешливо сказал:

— Смотри, ты выглядишь как человек, а оказался тряпкой!

Чу Циюнь, прислонившись к дереву, улыбался безобидно, не обращая на него внимания, и начал считать людей. Худой человек, видя его спокойствие, почувствовал неладное и настороженно спросил:

— Что ты делаешь?

— Считаю головы. — Чу Циюнь скрестил руки, словно сомневаясь. — Нужно сначала посчитать, чтобы потом разобраться с каждым.

Пока он говорил, из-за кустов раздался крик главаря банды:

— Как у тебя может быть... это больше, чем у меня!

Едва он произнес это, крик превратился в вопль, и стая птиц взлетела в небо.

— Босс!

— Это босс!

Бандиты обернулись, и в этот момент Чу Циюнь выхватил охотничий нож у худого человека и, одним движением, неожиданно обезвредил пятерых бандитов.

Чу Циюнь с детства занимался боевыми искусствами в храме Сюйхэ и имел немало навыков, так что справиться с полупрофессиональными бандитами было для него пустяком. Сяо Юйшань вышел из-за кустов, держа в руках меч главаря банды, с лезвия которого капала кровь, и с ледяной улыбкой сказал:

— Наконец-то лично избавил народ от зла.

— Отличная работа! — Чу Циюнь вспомнил крик главаря банды и не смог сдержать смеха, но при этом был крайне озадачен, не зная, куда именно Сяо Юйшань его ранил.

Он хотел спросить, но, увидев выражение лица Сяо Юйшаня, где красота превратилась в лицо демона, с зловещей улыбкой, он замолчал.

— Ты тоже неплохо справился. — Сяо Юйшань посмотрел на бандитов, лежащих на земле, все были тяжело ранены и не могли сбежать, и добавил:

— Вернись и сообщи Ань Фэну, чтобы он арестовал их всех. Посмотрим, как они теперь будут притеснять людей и сеять зло.

Сяо Юйшань был не в духе, и Чу Циюнь успокаивал его, пока они шли обратно в храм Сюйхэ. Ань Фэн, получив сообщение, поспешил арестовать бандитов и отправил их в тюрьму для суда.

Не прошло и полдня, как по деревням у подножия горы Дунли распространилась весть о том, что император приказал навести порядок с бандитами. Жители были бесконечно благодарны, и даже даосы храма Сюйхэ аплодировали. Бандиты обычно скрывались в горах, грабили охотников и притесняли людей, часто оставляя тяжело раненых в горах, которых монахи несли обратно в храм для лечения.

Хотя даосы храма Сюйхэ редко сталкивались с ними, они не могли терпеть страдания бедняков и давно уже не могли мириться с этим. Теперь, когда главарь банды был заперт в тюрьме, а бандиты разбежались, в горах наконец воцарился покой.

За ужином Сяо Юйшань отослал всех, кроме даоса Цанъяна и Чу Циюня. Чу Циюнь не мог не упомянуть об этом и сказал:

— Все говорят, что Ваше Величество мудр и отважен.

<http://bllate.org/book/16210/1455408>